

Руслан и Людмила

Автор:

Александр Пушкин

Руслан и Людмила

Александр Сергеевич Пушкин

Малая книга с историей

Поэму А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» с одинаковым удовольствием читают взрослые и дети. Поэт удивительным образом соединил загадочное волшебство с романтической историей любви, почти детективную таинственность с рассказом о верности и предательстве, создав литературный шедевр, по праву вошедший в сокровищницу русской литературы.

А прекрасные, на диво выразительные и живые рисунки талантливого художника Н. Кочергина будто открывают читателю двери в эту необыкновенную сказку.

Александр Сергеевич Пушкин

Руслан и Людмила

© Н. М. Кочергин, наследники, иллюстрации, 2019

© АО «Издательский Дом Мещерякова», 2019

* * *

Посвящение

Для вас, души моей царицы,
Красавицы, для вас одних
Времён минувших небылицы,
В часы досугов золотых,
Под шёпот старины болтливой,
Рукою верной я писал;
Примите ж вы мой труд игривый!
Ничьих не требуя похвал,
Счастли?в уж я надеждой сладкой,
Что дева с трепетом любви
Посмотрит, может быть, украдкой
На песни грешные мои.

Песнь первая

У лукоморья дуб зелёный;

Златая цепь на дубе том:

И днём и ночью кот учёный

Всё ходит по цепи кругом;

Идёт направо – песнь заводит,

Налево – сказку говорит.

Там чудеса: там леший бродит,

Русалка на ветвях сидит;

Там на неведомых дорожках

Следы невиданных зверей;

Избушка там на курьих ножках

Стоит без окон, без дверей;

Там лес и дол[1 - Дол – долина.] видений полны;

Там о заре прихлынут волны

На брег песчаный и пустой,

И тридцать витязей прекрасных

Чредой[2 - Чредой – по очереди.] из вод выходят ясных,

И с ними дядька их морской;

Там королевич мимоходом

Пленяет грозного царя;

Там в облаках перед народом

Через леса, через моря

Колдун несёт богатыря;

В темнице там царевна тужит,

А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою-ягой
Идёт, бредёт сама собой;
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русский дух... там Русью пахнет!
И там я был, и мёд я пил;
У моря видел дуб зелёный;
Под ним сидел, и кот учёный
Свои мне сказки говорил.
Одну я помню: сказку эту
Поведаю теперь я свету...

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.

В толпе могучих сыновей,
С друзьями, в гриднице[3 - Гридница - в древнерусской архитектуре отдельное большое помещение или часть княжеского дворца для рядовых дружинников (гридей). В гриднице устраивали праздничные пиры.] высокой

Владимир-солнце пировал;
Меньшу?ю дочь он выдавал
За князя храброго Руслана
И мёд из тяжкого стакана
За их здоровье выпивал.
Не скоро ели предки наши,

Не скоро двигались кругом

Ковши, серебряные чаши

С кипящим пивом и вином.

Они веселье в сердце лили,

Шипела пена по краям,

Их важно чашники[4 - Чашник – придворная должность при княжеском или царском дворе. Чашник прислуживал правителю, а также почётным гостям на праздничных обедах и пирах.] носили

И низко кланялись гостям.

Слили?ся речи в шум невнятный;

Жужжит гостей весёлый круг;

Но вдруг раздался глас приятный

И звонких гуслей беглый звук;

Все смолкли, слушают Баяна:

И славит сладостный певец

Людмилу-прелесть и Руслана

И Лелем[5 - Лель – древнерусский бог брачных уз и семьи.] свитый им венец.

Но, страстью пылкой утомлённый,

Не ест, не пьёт Руслан влюблённый;

На друга милого глядит,

Вздыхает, сердится, горит

И, щипля ус от нетерпенья,

Считает каждые мгновенья.

В унынье, с пасмурным челом,

За шумным, свадебным столом

Сидят три витязя молодые;
Безмолвны, за ковшом пустым,
Забыты кубки круговые,
И бра?шна[6 - Бра?шна – яства, кушанья.] неприятны им;

Не слышат вещего Баяна;
Потупили смущённый взгляд:
То три соперника Руслана;
В душе несчастные таят
Любви и ненависти яд.
Один – Рогдай, воитель смелый,
Мечом раздвинувший пределы
Богатых киевских полей;
Другой – Фарлаф, крикун надменный,
В пирах никем не побежденный,
Но воин скромный средь мечей;
Последний, полный страстной думы,
Младой хазарский[7 - Хазары – средневековый тюркоязычный кочевой народ.]
хан Ратмир:
Все трое бледны и угрюмы,
И пир весёлый им не в пир.
Вот кончен он; встают рядами,
Смешались шумными толпами,
И все глядят на молодых:

Невеста очи опустила,
Как будто сердцем приуныла,
И светел радостный жених.
Но тень объемлет всю природу,
Уж близко к полночи глухой;
Бояре, задремав от мёду,
С поклоном убрались домой.
Жених в восторге, в упоенье:
Ласкает он в воображенье
Стыдливой девы красоту;

Но с тайным, грустным умиленьем
Великий князь благословеньем
Дарует юную чету.

И вот невесту молодую
Ведут на брачную постель;
Огни погасли... и ночную
Лампаду зажигает Лель.
Свершились милые надежды,
Любви готовятся дары;
Падут ревнивые одежды
На цареградские ковры...
Вы слышите ль влюблённый шёпот,
И поцелуев сладкий звук,

И прерывающийся ропот
Последней робости?.. Супруг
Восторги чувствует заране;
И вот они настали... Вдруг
Гром грянул, свет блеснул в тумане,
Лампада гаснет, дым бежит,
Кругом всё смерклось, всё дрожит,
И замерла душа в Руслане...
Всё смолкло. В грозной тишине
Раздался дважды голос странный,
И кто-то в дымной глубине
Взвился? чернее мглы туманной...
И снова терем пуст и тих;
Встаёт испуганный жених,
С лица катится пот остывший;
Трепещет, хладною рукой
Он вопрошает мрак немой...
О горе: нет подруги милой!
Хватает воздух он пустой;
Людмилы нет во тьме густой,
Похищена безвестной силой.

Ах, если мученик любви
Страдает страстью безнадежно,
Хоть грустно жить, друзья мои,

Однако жить ещё возможно.

Но после долгих, долгих лет

Обнять влюблённую подругу,

Желаний, слёз, тоски предмет,

И вдруг минутную супругу

Навек утратить... о друзья,

Конечно, лучше б умер я!

Однако жив Руслан несчастный.

Но что сказал великий князь?

Сражённый вдруг молвой ужасной,

На зятя гневом распалясь,

Его и двор он созывает:

«Где, где Людмила?» – вопрошает

С ужасным, пламенным челом.

Руслан не слышит. «Дети, други!

Я помню прежние заслуги:

О, сжальтесь вы над стариком!

Скажите, кто из вас согласен

Скакать за дочерью моей?

Чей подвиг будет не напрасен,

Тому – терзайся, плачь, злодей!

Не мог сберечь жены своей! –

Тому я дам её в супруги

С полцарством прадедов моих.
Кто ж вызовется, дети, други?..»
«Я!» – молвил горестный жених.
«Я! я! – воскликнули с Рогдаем
Фарлаф и радостный Ратмир. –
Сейчас коней своих седлаем;
Мы рады весь изъездить мир.
Отец наш, не продлим разлуки;
Не бойся: едем за княжной».
И с благодарностью немой
В слезах к ним простирает руки
Старик, измученный тоской.

Все четверо выходят вместе;
Руслан уныньем как убит;
Мысль о потерянной невесте
Его терзает и мертвит.
Садятся на коней ретивых;
Вдоль берегов Днепра счастливых
Летят в клубящейся пыли;
Уже скрываются вдали;
Уж всадников не видно боле...
Но долго всё ещё глядит
Великий князь в пустое поле
И думой им вослед летит.

Руслан томился молчаливо,
И смысл и память потеряв.
Через плечо глядя? спесиво
И важно подбочась, Фарлаф,
Надувшись, ехал за Русланом.
Он говорит: «Насилу я
На волю вырвался, друзья!
Ну, скоро ль встречу с великаном?
Уж то-то крови будет течь,
Уж то-то жертв любви ревнивой!
Повеселись, мой верный меч,
Повеселись, мой конь ретивый!»

Хазарский хан, в уме своём
Уже Людмилу обнимая,
Едва не пляшет над седлом;
В нём кровь играет молодая,
Огня надежды полон взор:
То скачет он во весь опор,
То дразнит бегуна лихого,
Кружит, подьёмлет на дыбы,
Иль дерзко мчит на холмы снова.
Рогдай угрюм, молчит – ни слова...
Страшась неведомой судьбы

И мучась ревностью напрасной,
Всех больше беспокоен он,
И часто взор его ужасный
На князя мрачно устремлён.

Соперники одной дорогой
Все вместе едут целый день.
Днепра стал тёмн брег отлогий;
С востока льётся ночи тень;
Туманы над Днепром глубоким;
Пора коням их отдохнуть.
Вот под горой путём широким
Широкий пересёкся путь.
«Разъедемся, пора! – сказали, –
Безвестной вверимся судьбе».
И каждый конь, не чуя стали,
По воле путь избрал себе.

Что делаешь, Руслан несчастный,
Один в пустынной тишине?
Людмилу, свадьбы день ужасный,
Всё, мнится, видел ты во сне.
На брови медный шлем надвинув,
Из мощных рук узду покинув,
Ты шагом едешь меж полей,
И медленно в душе твоей

Надежда гибнет, гаснет вера.

Но вдруг пред витязем пещера;

В пещере свет. Он прямо к ней

Идёт под дремлющие своды,

Ровесники самой природы.

Вошёл с уныньем: что же зрит?

В пещере старец; ясный вид,

Спокойный взор, брада седая;

Лампада перед ним горит;

За древней книгой он сидит,

Её внимательно читая.

«Добро пожаловать, мой сын! –

Сказал с улыбкой он Руслану. –

Уж двадцать лет я здесь один

Во мраке старой жизни вяну;

Но наконец дождался дня,

Давно предвиденного мною.

Мы вместе сведены судьбою;

Садись и выслушай меня.

Руслан, лишился ты Людмилы;

Твой твёрдый дух теряет силы;

Но зла промчится быстрый миг:

На время рок тебя постиг.

С надеждой, верю веселой

Иди на всё, не унывай;

Вперёд! мечом и грудью смелой

Свой путь на полночь пробивай.

Узнай, Руслан: твой оскорбитель

Волшебник страшный Черномор,

Красавиц давний похититель,

Полнощных[8 - Полнощный – полночный, северный.] обладатель гор.

Ещё ничей в его обитель

Не проникал доныне взор;

Но ты, злых козней истребитель,

В неё ты вступишь, и злодей

Погибнет от руки твоей.

Тебе сказать не должен боле:

Судьба твоих грядущих дней,

Мой сын, в твоей отныне воле».

Наш витязь старцу пал к ногам

И в радости лобзает руку.

Светлеет мир его очам,

И сердце позабыло муку.

Вновь ожил он; и вдруг опять

На вспыхнувшем лице кручина...

«Ясна тоски твоей причина;
Но грусть не трудно разогнать, –
Сказал старик, – тебе ужасна
Любовь седого колдуна;
Спокойся[9 - Спокойся – успокойся.], знай: она напрасна
И юной деве не страшна.
Он звёзды сводит с небосклона,
Он свистнет – задрожит луна;
Но против времени закона
Его наука не сильна.
Ревнивый, трепетный хранитель
Замков безжалостных дверей,
Он только немощный мучитель
Прелестной пленницы своей.
Вокруг неё он молча бродит,
Клянёт жестокий жребий свой...
Но, добрый витязь, день проходит,
А нужен для тебя покой».

Руслан на мягкий мох ложится
Пред умирающим огнём;
Он ищет позабыться сном,
Вздыхает, медленно вертится...
Напрасно! Витязь наконец:
«Не спится что-то, мой отец!

Что делать: болен я душою,
И сон не в сон, как тошно жить.
Позволь мне сердце освежить
Твоей беседою святою.
Прости мне дерзостный вопрос.
Откройся: кто ты, благодатный,
Судьбы наперсник[10 - Наперсник – человек, пользующийся особым доверием.]
непонятный?
В пустыню кто тебя занёс?»

Вздыхнув с улыбкою печальной,
Старик в ответ: «Любезный сын,
Уж я забыл отчизны дальной[11 - Дальной – далёкой.]
Угрюмый край. Природный финн,
В долинах, нам одним известных,
Гоня стадо сёл окрестных,
В беспечной юности я знал
Одни дремучие дубравы,
Ручьи, пещеры наших скал
Да дикой бедности забавы.

Но жить в отрадной тишине
Дано не долго было мне.

Тогда близ нашего селенья,
Как милый цвет уединенья,

Жила Наина. Меж подруг
Она гремела красотой.
Однажды утренней порою
Свои стада на тёмный луг
Я гнал, волынку надувая;
Передо мной шумел поток.
Одна, красавица молодая
На берегу плела венки.
Меня влекла моя судьбина...
Ах, витязь, то была Наина!
Я к ней – и пламень роковой
За дерзкий взор мне был наградой,
И я любовь узнал душой
С её небесною отрадой,
С её мучительной тоской.

Умчалась года половина;
Я с трепетом открылся ей,
Сказал: люблю тебя, Наина.
Но робкой горести моей
Наина с гордостью внимала,
Лишь прелести свои любя,
И равнодушно отвечала:
«Пастух, я не люблю тебя!»

И всё мне дико, мрачно стало:

Родная куща, тень дубров,
Весёлы игры пастухов –
Ничто тоски не утешало.
В унынье сердце сохло, вяло.
И наконец задумал я
Оставить финские поля;
Морей неверные пучины
С дружиной братской переплыть
И бранной[12 - Бранный – боевой.] славой заслужить
Вниманье гордое Наины.
Я вызвал смелых рыбаков
Искать опасностей и злата.
Впервые тихий край отцов
Услышал бранный звук булата
И шум немирных челноков[13 - Челнок – судно, корабль].
Я вдаль уплыл, надежды полный,
С толпой бесстрашных земляков;
Мы десять лет снега и волны
Багрили[14 - Багрили – окрашивали в красный (багряный) цвет.] кровию врагов.
Молва неслась: цари чужбины
Страшились дерзости моей;
Их горделивые дружины
Бежали северных мечей.
Мы весело, мы грозно бились,
Делили дани и дары,

И с побеждёнными садились

За дружелюбные пиры.

Но сердце, полное Наиной,

Под шумом битвы и пиров,

Томилось тайною кручиной,

Искало финских берегов.

Пора домой, сказал я, други!

Повесим праздные кольчуги

Под сенью[15 - Сень - то, что покрывает, укрывает: навес, шатёр и т. п.] хижины
родной.

Сказал - и вёсла зашумели:

И, страх оставя за собой,

В залив отчизны дорогой

Мы с гордой радостью влетели.

Сбылись давнишние мечты,

Сбылися пылкие желанья!

Минута сладкого свиданья,

И для меня блеснула ты!

К ногам красавицы надменной

Принёс я меч окровавленный,

Кораллы, злато и жемчуг;

Пред нею, страстью упоённый,

Безмолвным роем окружённый

Её завистливых подруг,

Стоял я пленником послушным;

Но дева скрылась от меня,
Примолвя с видом равнодушным:
«Герой, я не люблю тебя!»

К чему рассказывать, мой сын,
Чего пересказать нет силы?
Ах, и теперь один, один,

Душой уснув, в дверях могилы,
Я помню горесть, и порой,
Как о минувшем мысль родится,
По бороде моей седой
Слеза тяжёлая катится.

Но слушай: в родине моей
Между пустынных рыбаей
Наука дивная таится.
Под кровом вечной тишины,
Среди лесов, в глуши далёкой
Живут седые колдуны;
К предметам мудрости высокой
Все мысли их устремлены;
Всё слышит голос их ужасный,
Что было и что будет вновь,
И грозной воле их подвластны

И гроб и самая? любовь.

И я, любви искатель жадный,

Решился в грусти безотрадной

Наину чарами привлечь

И в гордом сердце девы хладной

Любовь волшебствами зажечь.

Спешил в объятия свободы,

В уединённый мрак лесов;

И там, в ученье колдунов,

Провёл невидимые годы.

Настал давно желанный миг,

И тайну страшную природы

Я светлой мыслию постиг:

Узнал я силу заклинаньям.

Венец любви, венец желаньям!

Теперь, Наина, ты моя!

Победа наша, думал я.

Но в самом деле победитель

Был рок, упорный мой гонитель.

В мечтах надежды молодой,

В восторге пылкого желанья,

Творю поспешно заклинанья,

Зову духов – и в тьме лесной

Стрела промчалась громовая,

Волшебный вихорь поднял вой,
Земля вздрогнула под ногой...
И вдруг сидит передо мной
Старушка дряхлая, седая,
Глазами впалыми сверкая,
С горбом, с трясучей головой,
Печальной ветхости картина.
Ах, витязь, то была Наина!..
Я ужаснулся и молчал,
Глазами страшный призрак мерил,
В сомненье всё ещё не верил
И вдруг заплакал, закричал:
«Возможно ль! ах, Наина, ты ли!
Наина, где твоя краса?
Скажи, ужели небеса
Тебя так страшно изменили?
Скажи, давно ль, оставя свет,
Расстался я с душой и с милой?
Давно ли?..» – «Ровно сорок лет, –
Был девы роковой ответ, –
Сегодня семьдесят мне било.
Что делать, – мне пищит она, –
Толпою годы пролетели.
Прошла моя, твоя весна –
Мы оба постареть успели.

Но, друг, послушай: не беда
Неверной младости утрата.
Конечно, я теперь седа,
Немножко, может быть, горбата;
Не то, что в старину была,
Не так жива, не так мила;
Зато, – прибавила болтунья, –
Открою тайну: я колдунья!»

И было в самом деле так.
Немой, недвижимый перед нею,
Я совершенный был дурак
Со всей премудростью моею.

Но вот ужасно: колдовство
Вполне свершилось, по несчастью.
Моё седое божество
Ко мне пылало новой страстью.
Скривив улыбкой страшный рот,

Могильным голосом урод
Бормочет мне любви признание.
Вообрази моё страданье!
Я трепетал, потупя взор;
Она сквозь кашель продолжала

Тяжёлый, страстный разговор:

«Так, сердце я теперь узнала;

Я вижу, верный друг, оно

Для нежной страсти рождено;

Проснулись чувства, я сгораю,

Томлюсь желаньями любви...

Приди в объятия мои...

О милый, милый! умираю...»

И между тем она, Руслан,

Мигала томными глазами;

И между тем за мой кафтан

Держалась тощими руками;

И между тем – я обмирал,

От ужаса зажмуря очи;

И вдруг терпеть не стало мочи;

Я с криком вырвался, бежал.

Она вослед: «О, недостойный!

Ты возмутил мой век спокойный,

Невинной девы ясны дни!

Добился ты любви Наины

И презираешь – вот мужчины!

Изменой дышат все они!

Увы, сама себя вини;

Он обольстил меня, несчастный!

Я отдалась любви страстной...

Изменник, изверг! о позор!

Но трепещи, девичий вор!»

Так мы расстались. С этих пор

Живу в моём уединенье

С разочарованной душой;

И в мире старцу утешенье

Природа, мудрость и покой.

Уже зовёт меня могила;

Но чувства прежние свои

Ещё старушка не забыла

И пламя позднее любви

С досады в злобу превратила.

Душою чёрной зло любя,

Колдунья старая, конечно,

Возненавидит и тебя;

Но горе на земле не вечно».

Наш витязь с жадностью внимал

Рассказы старца; ясны очи

Дремотой лёгкой не смыкал

И тихого полёта ночи

В глубокой думе не слышал.

Но день блистает лучезарный...

Со вздохом витязь благодарный

Объемлет старца-колдуна;
Душа надеждою полна;
Выходит вон. Ногами стиснул
Руслан заржавшего коня,
В седле оправился, присвистнул.
«Отец мой, не оставь меня».
И скачет по пустому лугу.
Седой мудрец младому другу
Кричит вослед: «Счастливей путь!
Прости, люби свою супругу,
Советов старца не забудь!»

Песнь вторая

Соперники в искусстве брани[16 - Брань - здесь: война, сражение, бой, битва.],
Не знайте мира меж собой;
Несите мрачной славе дани
И упивайтесь враждой!
Пусть мир пред вами цепенеет,
Дивясь грозным торжествам:
Никто о вас не пожалеет,
Никто не помешает вам.
Соперники другого рода,

Вы, рыцари парнасских гор,
Старайтесь не смешить народа
Нескромным шумом ваших ссор;
Бранитесь – только осторожно.
Но вы, соперники в любви,
Живите дружно, если можно!
Поверьте мне, друзья мои:
Кому судьбою неременной
Девичье сердце суждено,
Тот будет мил назло вселенной;
Сердиться глупо и грешно.

Когда Рогдай неукротимый,
Глухим предчувствием томимый,
Оставя спутников своих,
Пустился в край уединённый
И ехал меж пустынь лесных,
В глубоко думу погружённый, –
Злой дух тревожил и смущал
Его тоскующую душу,
И витязь пасмурный шептал:
«Убью!.. преграды все разрушу...
Руслан! узнаешь ты меня...
Теперь-то девица поплачет...»
И вдруг, поворотив коня,

Во весь опор назад он скачет.

В то время доблестный Фарлаф,

Всё утро сладко продремав,

Укрывшись от лучей полдневных,

У ручейка, наедине,

Для подкрепленья сил душевных,

Обедал в мирной тишине.

Как вдруг он видит: кто-то в поле,

Как буря, мчится на коне;

И, времени не тратя боле,

Фарлаф, покинув свой обед,

Копьё, кольчугу, шлем, перчатки,

Вскочил в седло и без оглядки

Летит – а тот за ним вослед.

«Остановись, беглец бесчестный! –

Кричит Фарлафу неизвестный. –

Презренный, дай себя догнать!

Дай голову с тебя сорвать!»

Фарлаф, узнавши глас Рогдая,

Со страха скорчась, обмирал

И, верной смерти ожидая,

Коня ещё быстрее гнал.

Так точно заяц торопливый,

Прижавши уши боязливо,

По кочкам, полем, сквозь леса
Скачками мчится ото пса.
На месте славного побега
Весной растопленного снега
Потоки мутные текли
И рыли влажную грудь земли.
Ко рву примчался конь ретивый,
Взмахнул хвостом и белой гривой,
Бразды стальные закусил
И через ров перескочил;
Но робкий всадник вверх ногами
Свалился тяжело в грязный ров,
Земли не взвидел с небесами
И смерть принять уж был готов.
Рогдай к оврагу подлетает;
Жестокий меч уж занесён;
«Погибни, трус! умри!» – вещает...
Вдруг узнаёт Фарлафа он;
Глядит, и руки опустились;
Досада, изумленье, гнев
В его чертах изобразились;
Скрыпя зубами, онемев,
Герой, с поникшею главою

Скорей отъехав ото рва,
Бесился... но едва, едва
Сам не смеялся над собою.

Тогда он встретил под горой
Старушечку чуть-чуть живую,
Горбатую, совсем седую.
Она дорожную клюкой
Ему на север указала.
«Ты там найдёшь его», – сказала.

Рогдай весельем закипел
И к верной смерти полетел.

А наш Фарлаф? Во рву остался,
Дохнуть не смея; про себя
Он, лёжа, думал: жив ли я?
Куда соперник злой девался?
Вдруг слышит прямо над собой
Старухи голос гробовой:
«Встань, мо?лодец: всё тихо в поле;
Ты никого не встретишь боле;
Я привела тебе коня;
Вставай, послушайся меня».

Смущённый витязь поневоле
Ползком оставил грязный ров;

Окрестность робко озирая,
Вздыхнул и молвил оживая:
«Ну, слава богу, я здоров!»

«Поверь! – старуха продолжала, –
Людмилу мудрено сыскать;
Она далёко забежала;
Не нам с тобой её достать.
Опасно разъезжать по свету;
Ты, право, будешь сам не рад.
Последуй моему совету,
Ступай тихохонько назад.
Под Киевом, в уединенье,
В своём наследственном селенье
Останься лучше без забот:
От нас Людмила не уйдёт».

Сказав, исчезла. В нетерпенье
Благоразумный наш герой
Тотчас отправился домой,
Сердечно позабыв о славе
И даже о княжне молодой;
И шум малейший по дубраве,
Полёт синицы, ропот вод
Его бросали в жар и в пот.

Меж тем Руслан далёко мчится;
В глуши лесов, в глуши полей
Привычной думою стремится
К Людмиле, радости своей,
И говорит: «Найду ли друга?
Где ты, души моей супруга?
Увижу ль я твой светлый взор?
Услышу ль нежный разговор?
Иль суждено, чтоб чародея
Ты вечной пленницей была
И, скорбной девою старея,
В темнице мрачной отцвела?
Или соперник дерзновенный
Придёт?.. Нет, нет, мой друг бесценный:
Ещё при мне мой верный меч,
Ещё глава не пала с плеч».
Однажды, тёмною порою,
По камням берегом крутым
Наш витязь ехал над рекою.
Всё утихало. Вдруг за ним
Стрелы мгновенное жужжанье,
Кольчуги звон, и крик, и ржанье,

И топот по полю глухой.

«Стой!» – грянул голос громовой.

Он оглянулся: в поле чистом,

Подняв копьё, летит со свистом

Свирепый всадник, и грозой

Помчался князь ему навстречу.

«Ага! догнал тебя! постой! –

Кричит наездник удалой, –

Готовься, друг, на смертну сечу[17 - Сеча – рукопашный бой, битва, сражение.];

Теперь ложись средь здешних мест;

А там ищи своих невест».

Руслан вспылал, вздрогнул от гнева;

Он узнаёт сей буйный глас...

Друзья мои! а наша дева?

Оставим витязей на час;

О них опять я вспомню вскоре.

А то давно пора бы мне

Подумать о молодой княжне

И об ужасном Черноморе.

Моей причудливой мечты

Наперсник иногда нескромный,

Я рассказал, как ночью тёмной

Людмилы нежной красоты

От воспалённого Руслана

Сокрылись вдруг среди тумана.

Несчастливая! когда злодей,
Рукою мощною своею
Тебя сорвал с постели брачной,
Взвился?, как вихорь, к облакам
Сквозь тяжкий дым и воздух мрачный
И вдруг умчал к своим горам –
Ты чувств и памяти лишилась
И в страшном замке колдуна,
Безмолвна, трепетна, бледна,
В одно мгновение очутилась.

С порога хижины моею
Так видел я, среди летних дней,
Когда за курицей трусливой
Султан курятника спесивый,
Петух мой по двору бежал
И сладострастными крылами
Уже подругу обнимал;
Над ними хитрыми кругами
Цыплят селенья старый вор,
Привав губительные меры,
Носился, плавал коршун серый
И пал как молния на двор.
Взвился?, летит. В когтях ужасных
Во тьму расселин безопасных

Уносит бедную злодей.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Дол – долина.

2

Чредой – по очереди.

3

Гридница – в древнерусской архитектуре отдельное большое помещение или часть княжеского дворца для рядовых дружинников (гридей). В гриднице устраивали праздничные пиры.

4

Чашник – придворная должность при княжеском или царском дворе. Чашник прислуживал правителю, а также почётным гостям на праздничных обедах и пирах.

5

Лель – древнерусский бог брачных уз и семьи.

6

Брашна – яства, кушанья.

7

Хазары – средневековый тюркоязычный кочевой народ.

8

Полнощный – полночный, северный.

9

Спокойся – успокойся.

10

Наперсник – человек, пользующийся особым доверием.

11

Дальной – далёкой.

12

Бранный – боевой.

13

Челнок – судно, корабль.

14

Багрили – окрашивали в красный (багряный) цвет.

15

Сень – то, что покрывает, укрывает: навес, шатёр и т. п.

16

Брань – здесь: война, сражение, бой, битва.

17

Сеча – рукопашный бой, битва, сражение.

Купить: <https://tellnovel.com/aleksandr-pushkin/ruslan-i-lyudmila-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)